

УДК 81'1
UDC 81'1

Афанасьева Оксана Николаевна
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация
Oksana N. Afanasyeva
Nosov State Technical University
afanasevaoksana2018@gmail.com

ИНФЕРЕНЦИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ **INFERENCE IN LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC STUDIES**

Аннотация

В статье делается краткий реферативный обзор исследований, посвящённых инференции в лингвистической и экстралингвистической областях. Исследуются примеры проявления инференции при восприятии нарративного дискурса, в процессах словообразования и номинации таких языковых единиц, как фразеологизмы, производные глаголы, аббревиатуры. Делается вывод об универсальности данного явления, как мыслительной формы, и его уникальности в каждом конкретном случае проявления в языке.

Abstract

The paper briefly reviews the studies, devoted to the inference phenomenon in linguistic and extra-linguistic fields. It also studies and illustrates inferences in narrative discourse comprehension, nomination and word-building processes in the formation of such linguistic units as idioms, derivative verbs, abbreviations. The conclusion about the universality of the discussed phenomenon as a way of thinking and its unique character in every special case of its existence in language and speech is made.

Ключевые слова: инференция, нарративный дискурс, аббревиатуры, фразеологизмы, номинация.

Keywords: inference, narrative discourse, abbreviations, idioms, nomination.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_2_11_21

1. Введение

В последнее время в статьях, посвящённых исследованию когнитивных операционных процессов, происходящих при восприятии речи, часто встречается понятие «инференция» [Полидискурсивное пространство ..., 2017; Куликова, 2007]. По мнению Эметса и соавторов, данное понятие восходит к силлогизмам Аристотеля [Logical ..., 2018]. В словаре когнитивных терминов оно определяется как получение выводных данных в процессе обработки информации и/или языка и само выводное знание,

умозаключение как одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Краткий словарь ..., 1996].

В научной литературе мы встречаем определение инференции в ракурсе изучаемых лингвистических процессов. В частности, в исследовании инференции как двойного семантического вывода при восприятии фразеологизмов в дискурсе, данное явление рассматривается и как «семантический вывод», и как «механизм восприятия скрытого, имплицитного смысла высказывания в речи» [Суворова, Полякова, 2016, с. 131]. Как показывают проводимые автором исследования, данные процессы очень схожи по своей функциональности и отличаются главным образом объектом своего применения – процессом номинации или процессом восприятия высказывания [Суворова, Полякова, 2016]. В зависимости от вектора направленности умозаключения, разграничиваются также понятия инференции и имплицатуры. В частности, при восприятии высказывания механизм умозаключения связывается с инференцией, а при речепроизводстве – с имплицатурой [Прохоров, 2006].

На наш взгляд, различия в понимании данного явления связаны в первую очередь с объектом проводимого исследования. Чем оно более узконаправленно, тем менее объёмным становится определение инференции. Поскольку целью данной работы является характеристика лингвистических и экстралингвистических проявлений инференции, мы ограничимся широким пониманием данного явления – как «формы мыслительной деятельности» [Суворова, 2018, с. 179], основу которой составляет концептуальная интеграция [Fauconnier, Turner, 2016], фоновые, в том числе, общие для говорящих знания [Yule, Brown, 1983], лингвокультурный контекст, эмоции [Суворова, 2016] и тому подобное.

Когнитивная деятельность сопровождает человека в ходе всей его жизни, находя свои проявления в сознательных и бессознательных формах. Под бессознательными формами мыслительной деятельности мы понимаем внутреннюю речь [Выготский, 1999], протекающую, как правило, бесконтрольно со стороны человека и находящую свой выход в уже готовом умозаключении.

В научной литературе существует два параллельных подхода к пониманию внутренней речи. Биолингвистический подход рассматривает человеческую речь во всех её проявлениях через призму биологической, природной сущности человека, проявляющейся в его инстинктах, рефлексах, тесной связи с окружающей средой (А. Дамазио, У. Матурана, К. Харди и др.). В основе психолингвистического подхода лежат личностные смыслы, внутреннее программирование, «чувственная ткань смыслов, движущаяся в пространстве образов сознания» [Василюк, 1993, с. 12].

Как показывают исследования А. Дамазио, основу внутренней речи составляют три вида репрезентаций: 1) репрезентации-реакции на вызвавшую их сущность (слова, человек, ситуация) «explicit representation of the causative entity», 2) репрезентации вызванного данной сущностью состояния

тела «explicit representation of the current body state» и 3) репрезентации, вмещающие в себе две первых, сохраняющие порядок в мозговой деятельности и направляющие внимание мозга на первые два вида репрезентаций [Damasio, 1994]. Связывая деятельность сознания напрямую с работой тела, А. Дамазио фактически подтверждает тот факт, что как биологическое существо, человек мыслит эмоциями. Именно эмоции служат пусковым механизмом концептуальной интеграции, проявляющейся в объединении наиболее релевантного ситуации концептуального наполнения высказывания. Похожую точку зрения высказывает У. Матурана – слова, которые мы слышим, служат толчком для возникновения в нас определённых мыслей, чувств, состояний, не всегда совпадающих с теми мыслями и чувствами, которые вкладывает в слова собеседник [Матурана, 2001].

Аналогичный акцент на двунаправленных связях между мозгом и телом представлен в исследованиях К. Харди, объясняющей специфику формирования, организации и функционирования значений у человека через признание таких особенностей познавательной деятельности, как сочетание осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов и их динамику, взаимопереплетение ощущений, переживаний и абстрактных понятий в мыслительных процессах, взаимодействие между сенсорно-аффективно-ментальным сознанием и значимым для него окружением. К. Харди разработала концепцию семантических констелляций, под которыми понимаются специализированные сети, объединяющие и организующие опыт индивида. Такая сеть связывает все возможные типы элементов: концепты, ощущения, образы, звуки, цвета, жесты, поступки [Hardy, 1998]. Примером работы таких констелляций могли бы послужить фразеологические единицы, через смысловую призму которых просматриваются лежащие в их основе «семантические констелляции», охватывающие наш когнитивный, аффективный, эмоциональный, включающий память тела, опыт (ср.: волосы дыбом, сердце (душа) в пятки, уши заложило, мороз по коже и т. п.).

Психолингвистический подход раскрывает вторую составляющую процесса концептуальной интеграции – образность. В своих исследованиях Л. С. Выготский рассматривает внутреннюю речь как процесс, порождающий речевое высказывание, перевод в речевой план той схемы, которая была лишь общим замыслом высказывания [Выготский, 1999]. Замысел высказывания, по мнению Н. И. Жинкина, может быть представлен в виде универсального предметно-изобразительного кода, основным отличием которого является образность и отсутствие каких-либо материальных признаков натурального языка [Жинкин, 1998]. Эти образы сознательно или бессознательно сопровождают любой процесс речепроизводства и могут быть, по мнению Б. М. Гаспарова, картинными, иероглифическими, кинетическими или метаязыковыми [Гаспаров, 1996]. Как показывают исследования А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, проводимые на материале фразеологизмов, возникающие образы не связаны с ключевыми словами [Баранов, Добровольский, 2008].

Итак, рассматриваемые выше концепции закладывают основу понимания механизма инференции: концептуальной интеграции, основанной на

интеграции образов, сопровождаемой эмоциональным состоянием, отражающим наше понимание сказанного через призму нашего опыта и восприятия речевой ситуации. Несмотря на то, что инференция по своей природе – мыслительный процесс, мы полагаем, что какая-то часть мыслительной обработки высказывания «выходит на поверхность нашего сознания». Эту часть умозаключений обычно связывают с силлогизмами Аристотеля [Emets et al., 2018], однако мы полагаем, что эта связь является чисто условной. Любое умозаключение предполагает вывод, но в одних случаях вывод строится на необходимой алгоритмической цепочке (речь идёт о математических закономерностях, программировании), а в других – предполагает иллогичный выбор концептуальной информации, которая в данный момент релевантна опыту, эмоциональному состоянию, общим знаниям говорящего. То, что выходит на поверхность нашего сознания – это обрывочная, довольно смутная, эмоционально и оценочно окрашенная, тесно связанная с личным опытом говорящего информация. Таким образом, внутренняя инференция – это лишь часть механизма проявления тех умозаключений, которые сопровождают наш ежедневный лингвистический и экстралингвистический опыт. Именно внутренняя инференция отвечает за образность и эмоциональность, которые затем лягут в основу концептуальной интеграции и позволят части умозаключений попасть в поле нашего сознательного восприятия высказывания.

Универсальная природа инференции отражается в широких и разнообразных областях её применения. Эти области могут быть как лингвистические, так и экстралингвистические. К экстралингвистическим факторам мы часто относим жесты, мимику, ситуативный контекст. Наблюдая за краснеющим или бледнеющим человеком, мы делаем вывод, что ситуация, в которой он находится, для него некомфортна. Данное умозаключение опирается не на словесное высказывание, но делается на основе ситуативного контекста и общих знаний, включая схожий жизненный опыт. Мы полагаем, что это не единственный пример экстралингвистического проявления инференции и исследователь, занимающийся этим вопросом более глубоко, сможет найти множество примеров экстралингвистических ситуаций, в которых инференция играет главную роль.

2. Инференция в области языка и речи

Основной акцент данной работы делается на изучении инференции в области языка и речи. Именно в этих областях мы находим наиболее разнообразные примеры проявления инференции. В статье будут рассмотрены следующие направления:

- 1) инференция в нарративном дискурсе;
- 2) инференция в номинативных процессах;
- 3) инференция при восприятии аббревиатур.

Рассмотрение инференции в нарративном дискурсе обусловлено, во-первых, тем, что нарративный дискурс далёк от формализма аргументативного дискурса [Куликова, 2007], где инференция проявляется в основном в

виде силлогизмов [Аристотель, 1984], поддерживающих логику выдвигаемых аргументов, а, во-вторых, может быть с лёгкостью перенесено на такие типы дискурса, как политический, институциональный, педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский, бытийный, юмористический и другие [Карасик, 2002]. Здесь следует оговориться, что все перечисленные виды дискурса могут включать в себя силлогизмы (мы проводим разграничение между силлогизмами и инференцией, относя силлогизмы к формальной логике, а инференцию к когниции, догадке, эвристике), но, в отличие от аргументативного дискурса, в остальных видах дискурса выводы, строящиеся на формальной логике, встречаются редко и не играют ключевой роли.

Впервые вопрос о том, что представляет собой умозаключение и какова его логика, был затронут в философских трудах древнегреческих учёных. В своём сочинении «Органон» Аристотель определял силлогизм или умозаключение как рассуждение, состоящее из трех простых атрибутивных высказываний: двух посылок и вывода [Аристотель, 1984]. Целью выведенных им законов логики было определить условия, при которых вывод, сделанный на основе полученных эмпирическим путём знаний, был бы истинным и логичным. Инференцию как явление, отличное от сформулированных Аристотелем силлогизмов, следует отнести к догадке и эвристике [Suvorova, Polyakova, 2018, с. 301]. Если следование алгоритму предполагает выстраивание цепочки последовательных доводов и жёстко детерминирует вывод, то эвристика лишь задаёт вероятностное направление возможного вывода, но не гарантирует его правильности [Суворова, 2018, с. 179]. Сравним примеры силлогизмов и инференции.

«Все лошади млекопитающие. Лошади травоядные. Следовательно, все млекопитающие травоядные» – цепочка умозаключений с логически правильным, но практически ложным выводом.

«To be honest, I'm not happy with the way you run the department. The trouble is you always want to know where I am. How can I meet my sales targets if I have to spend all the time writing reports, telephone messages and attending meetings» [Cotton, Falvey, 2002, с.155] – Честно говоря, мне не нравится, как ты руководишь отделом. Проблема в том, что ты каждую минуту хочешь знать, где я. Как я могу выполнять план продаж, если я все время либо пишу отчеты, либо отвечаю на звонки, либо участвую в заседаниях (здесь и далее перевод наш – О. А.).

Данный фрагмент дискурса показывает, что в цепочке выдвигаемых аргументов нет последовательности, а за сказанным стоит совершенно иной, скрытый смысл: 1) я устал от придинок; 2) в офисе много ненужной работы и тому подобное. Тем не менее, вывод, который делает собеседник, правильный: *«You should take some days off, Mary. I see you are tired, but if you really want to help, write down your suggestions»* [Cotton, Falvey, 2002, с.155] – Тебе стоит взять пару дней за свой счёт, Мэри. Я вижу, что ты устала, и если хочешь помочь, представь свои соображения в письменном виде.

Приведённые примеры показывают, что в основе инференции лежит эвристика, догадка, которая отличается от прямого смысла высказывания.

Наблюдение над проявлениями инференции в нарративном дискурсе позволило ряду исследователей (А. Граессера, М. Зингера, У. Трабассо, Х. Кларка, Т. Карлсона и др.) предложить различные типологизации видов инференций [Rickheit, Strohner, 1985]. Ретроспективный анализ имеющихся типологизаций инференций на основе различных критериев (уровня текстовой обработки, типа инферируемых семантических отношений, зависимости от используемых структур знаний и контекста и т. п.), закладываемых в их основу, позволяет выделить два общих направления в классификационной оценке механизмов инференции. Во-первых, это способ генерирования инференции, то есть инференция может запускаться либо автоматически, либо её запуску может предшествовать первоначальная оценка и обработка структур знаний. Во-вторых, это время генерации инференции – инференция может осуществляться в двух режимах: online или offline. К инференциям, генерируемым online, как правило, относят так называемые соединительные инференции, служащие для связки слов или небольших кусков текста на локальном уровне (дейктические, антецедентные, инструментальные, ролевые и т. п.), или инференции, которые позволяют вывести общую идею текста с опорой на большие по объёму текстовые отрезки. К инференциям, генерируемым off-line, относят либо автоматические инференции, либо инференции, расширяющие и дополняющие воспринимаемый смысл.

Инференция в процессах номинации и словообразования представляет собой скорее результат, чем процесс выведения информации. Тем не менее, обращаясь к явлениям вторичной номинации (фразеологизмы, сложные существительные, производные глаголы, фразовые глаголы) [Кунин, 2005], мы наблюдаем явление двойной инференции [Суворова, 2016], когда следы инференции, имеющей место при первичной номинации внеязыкового явления, сохраняются в процессе вторичной номинации и выводятся при восприятии косвенного значения языковой единицы в дискурсе. В области номинации и словообразования исследование инференции ведётся в следующих направлениях: 1) инференция, возникающая при восприятии однокоренных образований в тексте (к примеру, если речь идёт о праздновании выпускного вечера, предполагается, что ребята, участвующие в вечере – выпускники и т. п.); 2) инференция, восстанавливающая предикат при распознавании семантики отымённого производного (пианист – тот, кто играет на пианино) или аргументы к глаголу, расширяющие многозначность имени (появление – пятна на платье, актрисы на сцене, книги из печати и т. п.); 3) инференция, лежащая в основе анализа полисемии у производных разных частей речи (речь идёт об определении исходного прототипического значения имеющейся в составе слова морфемы и определении всего семантического гнезда по принципу фамильного сходства). Например, если вне текста слово *лесной* имеет значение «относящийся к лесу», в реальном употреблении слово *лесной* может означать «находящийся в лесу» (напр., лесная поляна), «типичный для леса» (напр., лесной запах и т. п.) [Кубрякова, 2004]; 4) инференция, которая выступает как инструмент выведения значения производного глагола

из мотивирующей основы и служит аккумулятором знаний и «контекстом» в ходе интеграции основы и словообразовательной морфемы [Бабина, 2003]. В перечисленных направлениях инференция предстаёт в качестве операционного процесса, который имеет либо связующее, либо расширительное действие.

Исследование инференции на материале аббревиатур представляет собой особый пласт исследований, характеризующийся тем, что в этом случае мы имеем дело с умозаключением, опирающимся не на полновесные ключевые слова, вербализующие широкую информативную базу концептов, а на символы и сокращения, представляющие, на наш взгляд, свёрнутые концепты, представляющие собой пример вторичной номинации [Зеркина, Костина, 2014]. Формирование значения аббревиатур уже прошло этап концептуальной интеграции и представляет собой сгусток переосмысленной информации. Отличительным признаком аббревиатур является их связанность и семантическая обусловленность другими единицами.

Рассмотрим пример со статьёй «Out of All Proportion» из британской газеты «The Independent». «*Let us take the result of the 1987 General elections. The Conservatives took 42 per cent of the vote, Labor 31 per cent and the now-defunct „Alliance“ 23 per cent. If seats had been distributed under a **PR (Public relations)** system, neither the Conservatives nor Labor would have been able to form a government on their own*» – Возьмём, к примеру, результаты выборов 1987 года. Консерваторы получили 42 процента голосов, лейбористы 31 процент и ныне распавшийся «Альянс» – 23 процента. Если бы места в Палате представителей распределялись в соответствии с системой общественных отношений, то ни консерваторы, ни лейбористы не смогли бы сформировать своё правительство.

В приведённом примере перед нами инференция, представляющая собой подбор возможных вариантов значения того, что скрыто за аббревиатурой: общественные связи, пиар, персональные связи и так далее – всё, что может прийти в голову при восприятии данного предложения. В этом случае мы имеем дело не с выделением наиболее релевантной информации с последующей интеграцией в бленд [Fauconnier, Turner, 1995], а с подбором возможных вариантов концептуальной информации, которая может лежать за аббревиатурой, и попытках включения данной информации в канву основного смысла.

3. Заключение

Подводя итог сказанному, следует отметить, что инференция как одна из форм мышления требует универсального подхода, который бы учитывал возможную парадигму её проявления в языке, речи, речевом поведении (под последним мы понимаем мимику, жесты, реакции тела и т. п., что, как правило, относят к экстралингвистической области исследования) и, в то же время, основывался на её когнитивной, эвристической, спонтанной природе. Рассматривая действие инференции на примерах восприятия нарративного текста, фразеологических единиц, аббревиатур, мы

приходим к выводу, что формы её применения нельзя свести к одному общему механизму действия. В рассматриваемых примерах её проявления различны и требуют отдельного детального исследования. Отдельной областью исследования инференции следует считать проявление инференции в смежных с лингвистикой областях: психолингвистике, биолингвистике, социолингвистике и так далее. Изучение инференции в этих областях науки требует использования других инструментов исследования и, возможно, будет опираться на иную теоретическую базу.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. [Текст] / Аристотель. – Т. 4. – М.: Мысль. 1984. – 830 с.
2. Бабина, Л. В. Вторичная репрезентация концептов в языке [Текст]: дис. ... д-ра фил. наук 10.02.04, 10.02.19 / Бабина Людмила Владимировна; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2003. – 382с.
3. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: «Знак», 2008. – 656 с.
4. Василюк, Ф. Е. Структура образа [Текст] / Ф. Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5–19.
5. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский. – 5-е изд., испр. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 352 с.
6. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 325 с.
7. Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество. (Избр. труды) [Текст] / Н. И. Жинкин. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 368 с.
8. Зеркина, Н. Н. Языковые единицы вторичной номинации как объект изучения семантики. Дискурсивные и контекстуальные характеристики (на примере аббревиатур и фразеологизмов английского языка [Текст] / Н. Н. Зеркина, Н. Н. Костина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (34). – Ч. III. – С. 81–85.
9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
10. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьяненко, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 245 с.
11. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
12. Куликова, О. В. Структура дискурса и проблемы инференции (на примере аргументированного дискурса [Текст] / О. В. Куликова // Вестник МГЛУ – 2007. – № 521. – С. 8–28.
13. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие [Текст] / А. В. Кунин. – Дубна: «Феникс», 2005. – 488 с.
14. Матурана, У. Древо познания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс, 2001. – 224 с.

15. Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация [Электронный ресурс] / Н. В. Дёрин, Т. А. Савинова, Т. Ю. Залавина [и др.]. – Магнитогорск, 2017. – Режим доступа : <http://catalog.inforeg.ru/Inet/GetEzineByID/317268>.
16. Прохоров, А. В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста [Текст]: дис. ... канд. фил. наук 10.02.19 / Прохоров Андрей Васильевич; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2006. – 159 с.
17. Суворова, Е. В. Виды инференций в дискурсе [Текст] / Е. В. Суворова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4–1 (82). – С. 176–181.
18. Суворова, Е. В. Процессы инференции в номинации фразеологизмов [Текст] / Е. В. Суворова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: материалы 74 междунар. науч.-техн. конф. / под ред. В. М. Колокольцева. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова – 2016. – Т. 2. – С. 272–275.
19. Суворова, Е. В. Инференция в процессах номинации [Текст] / Е. В. Суворова, Л. С. Полякова. – Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 131–139.
20. Cotton, D. New Market Leader. Pre-intermediate business English. Course book [Text] / D. Cotton, D. Falvey, S. Kent. – Pearson Education Limited, 2002. – 160 p.
21. Damasio, A. Descartes' error. Emotion, Reason and the Human Brain [Text] / A. Damasio. – New York: Penguin Group, 1994. – 312 p.
22. Logical and linguistic strategies for translating complex sentences in literary texts of natural languages [Text] / T. V. Emets, Yu. V. Baryshnikova, A. Yu. Trutnev, E. V. Suvorova, T. L. Akhmetzyanova // XLinguae. – 2018. – Vol. 11. – № 2. – P. 3–16.
23. Fauconnier, G. Conceptual integration and formal expression [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // Metaphor and symbolic activity. – 1995. – 10 (3). – P. 183–204.
24. Hardy, C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter [Text] / C. Hardy. – Wesport, Connecticut; London: Praeger, 1998. – 217 p.
25. Rickheit, G. Inferences in text processing [Text] / G. Rickheit, H. Strohner. North Holland – Amsterdam – New York – Oxford, 1985. – 338 p.
26. Suvorova, E. V. Types of inferences in discourse [Text] / E. V. Suvorova, L. S. Polyakova // Arab World English Journal. – 2018. – Vol. 9. – № 1. – P. 294–306.
27. Yule, G. Discourse Analysis [Text] / G. Yule, G. Brown. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 283 p.

References

1. Aristotel' (1984). *Sochinenia: V 4 t.* [Essays: In 4 volumes]. Moscow: Mysl' Press.
2. Babina, L. V. (2003). *Vtorichnaya reprezentatsiya kontseptov v yazyke* [Secondary representation of concepts in the language]. Doctoral in Philol. sci. dis. Tambov State University. Tambov.
3. Baranov, A. N., Dobrovol'skiy, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii* [Issues of the theory of Phraseology]. Moscow: «Znak» Press.

4. Vasilyuk, F. E. (1993). *Struktura obraza* [The structure of the image]. *Voprosy Psichologii* [Issues of Psychology], 5, 5–19.
5. Vygotsky, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'* [Thought and language]. 5th edition, corrected. Moscow : «Labirint».
6. Gasparov, B. M. (1996). *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of language being]. Moscow : «Novoe literaturnoe obozrenie» Press.
7. Zhinkin, N. I. (1998). *Yazyk – rech' – tvorchestvo. (Izbr. Trudy)* [Language – speech – creativity (Selected works)]. Moscow : «Labirint» Press.
8. Zerkina, N. N., Kostina, N. N. (2014). Yazykovye edinitsey vtorichnoy nominatsii kak ob"ekt izucheniya semantiki. Diskursivnye i kontekstual'nye kharakteristiki (na primere abbreviatur i frazeologizmov angliyskogo yazyka [Linguistic units of the second nomination as object of semantics study. Discursive and contextual characteristics (By the example of abbreviations and phraseological units of the English language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 4 (34) (Part III), 81–85.
9. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press.
10. Kubryakova, E. S., Dem'yanenkov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow : Moscow State University Press.
11. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to getting knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in getting knowledge about the world]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
12. Kulikova, O. V. (2007). *Struktura diskursa i problemy inferentsii (na primere argumentirovannogo diskursa* [Discourse structure and inference problems (Based on argumentative discourse)]. *Vestnik MGLU* [Moscow State Linguistic University Bulletin], 521, 8–28.
13. Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka : ucheb. posobie* [The course of modern English phraseology: A course book]. Dubna : «Feniks» Press.
14. Maturana, U., Varela, F. (2001). *Drevo poznania* [The tree of knowledge]. Moscow : Progress Press.
15. Derin, N. V., Savinova, T. A., Zalavina, T. Yu. et al. (2017). *Polidiskursivnoe prostranstvo: slovo, tekst, kommunikatsiya* [Poly-discursive space: Word, text, communication]. Magnitogorsk. Retrieved from <<http://catalog.inforeg.ru/Inet/GetEzineByID/317268>>.
16. Prokhorov, A. V. (2006). *Obuslovlennost' protsessov inferentsii implikaturami reklamnogo teksta* [Inference processes determined by advertisement text implications]. PhD in Philol. sci. dis. Tambov : Tambov State University.
17. Suvorova, E. V. (2018). *Vidy inferentsiy v diskurse* [Types of inference in the discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 4–1 (82), 176–181.

18. Suvorova, E. V. (2016). Protsessy inferentsii v nominatsii frazeologizmov [Inference processes in phraseological units nomination]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya* [Current issues of modern science, technology and education]: Proc. of the 74th International Scientific-Technical Conference. Ed. by V. M. Kolokoltsev (Vol. 2, pp. 272–275). Magnitogorsk : Nosov State Technical University Press.
19. Suvorova, E. V., Polyakova, L. S. (2016). Inferentsiya v protsessakh nominatsii [Inference in nomination processes]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev], 2 (4), 131–139.
20. Cotton, D., Falvey, D., Kent, S. (2002). *New Market Leader. Pre-intermediate business English. Course book*. Pearson Education Limited.
21. Damasio, A. (1994). *Descartes' error. Emotion, Reason and the Human Brain*. New York, Penguin Group.
22. Emets, T. V., Baryshnikova, Yu. V., Trutnev, A. Yu., Suvorova, E. V., Akhmetzyanova, T. L. (2018). Logical and linguistic strategies for translating complex sentences in literary texts of natural languages. *Xlinguae*, 11 (2), 3–16.
23. Fauconnier, G., Turner, M. (1995). Conceptual integration and formal expression. *Metaphor and symbolic activity*, 10 (3), 183–204.
24. Hardy, C. (1998). *Networks of meaning: A bridge between mind and matter*. Wesport, Connecticut; London : Praeger.
25. Rickheit, G., Strohner, H. (1985). *Inferences in text processing*. North Holland – Amsterdam – New York – Oxford.
26. Suvorova, E. V., Polyakova, L. S. (2018). Types of inferences in discourse. *Arab World English Journal*, 9 (1), 294–306.
27. Yule, G., Brown, G. (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge : Cambridge University Press.